

Зной липким объёмом облепил тайгу, где всё живое попряталось от него, кто куда – в норы, дупла, гнёзда, берлоги. Духота вместе с зыбким маревом зависла над деревьями и впитывала в себя слабое дуновение ветерка: если вдруг он появится невесть откуда, то тут же исчезает, поглощённый зноем.

Тишина на всю округу. Только время от времени, нарушая её, развопится сварливая ронжа (вид дятла), расплачется, что-то не поделив с сотоварками, и улетит в чащу, жалуясь на свою судьбу.

А внизу распадка гудели моторы тракторов, негромко им вторили автомобили – гудели без надрыва, уверенно, как бы гордясь своей силой и мощью.

Участок нефтепровода тянул нитку из сваренных труб – «плетей» – через тайгу, не отклоняясь, что бы ни встречалось на пути. Техника под руками опытных специалистов валила лес, взрывала и корчевала пни, делала просеки, рыла траншеи, стелила лежнёвки на болотах, а тайга только пугливо вздрагивала, охала и ахала от взрывов, рокота двигателей и падающих деревьев.

Мой строительный участок «тянул нитку» до Нижнеудинска, где соединялся с другим, себе подобным, тот – с другим, и так далее. Нефтепровод продвигался на восток.

Нашим участком руководил Звонарёв Анатолий Иванович, опытный прораб, мастер своего дела. Люди, работающие у него, тоже были опытными специалистами и могли в любое время заменить временно выбывшего товарища. Существовали сроки сдачи участков, но они мало интересовали работяг: все, особенно женатые, стремились больше заработать и потому не считались со временем, особенно летом. И участок всегда оказывался передовым. А тут и заработок, и премиальные, и почёт.

Мне, ещё совсем пацану, работавшему ранее кочегаром, доверили очистную машину. Обещали пересадить на трубоукладчик, но только после учёбы в Омске и стажировки у опытного машиниста трубоукладчика. Уж слишком ответственной была эта работа.

Коллектив участка собрался дружный: кого попало Звонарёв не набирал. Несколько лет спустя я узнал, что ему было присвоено звание Героя Социалистического труда. Человек знал своё дело досконально и работал не ради звёздочки. Но это было потом.

А сейчас я, Костя Максаков, стоял у очистной машины и смотрел в сторону изоляционной, что двигалась вслед за мной по такому же принципу. Сейчас она стояла, замерев, и вокруг неё столпились люди.

– В чём дело? – спросил я проходящего мимо механика Валентина.

– Лопнуло звено приводной цепи, что крутит барабан. Теперь часа два-три простоим, пока смотаются на стан, привезут запасное да поставят. Послал уже водилу гудронатора... Так что придётся сегодня задержаться на час-другой.

– Что нам – в первый раз?... – буркнул я.

Стан, где находилась наша основная техника, финские вагончики, в которых приходилось жить в полевых условиях, ларёк-магазинчик, склады на колёсах, котлы на полозьях для плавления битума – всё в нужное время цеплялось за тягачи, трактора и доставлялось в нужный район.

Сейчас мы находились в двадцати километрах от железнодорожной станции, где жили на квартирах у местного населения, а по вечерам нас увозили на автобусе в «цивилизацию». Да и единственный выходной выпадал на воскресенье. В субботу же заканчивали работу на два часа раньше, и мы, молодёжь, наскоро перекусив и приведя себя в порядок, спешили в Дом культуры на танцы.

Воспользовавшись вынужденным простоем, работяги занялись кто чем – уходом за своей техникой, мелким ремонтом. А свободные от дел попрятались в кустах и под деревьями, ища укрытия от духоты. Зной доставал везде, и спасение от него будет только вечером.

Моя машина находилась в полном порядке. Заменяв несколько изношенных щёток и проверив натяжку цепей, я думал, чем бы заняться, чтобы хоть немного отвлечься от жары. И вдруг вспомнил, что дядя Андрей, у которого мы с Вовкой Кравченко жили, поведал нам, что именно здесь, где мы сейчас «тянули нитку», видимо-невидимо малины, притом необычно крупной и сладкой.

Дядя Андрей – потомственный охотник-медвежатник. Его деды и прадеды ходили на медведя ещё с рогатиной и ножом и передавали опыт из поколения в поколение. Ему чуть больше сорока пяти лет. Он среднего роста, сухопарый, и не подумаешь, что ему, как гладиатору, приходится вступать в схватку со зверем порой один на один и выходить победителем. О поединках с шатунами-медведями свидетельствовали шрамы на его голове и по всему телу. На вопрос, сколько он добыл медведей, скромно отвечал: «Да чуть больше своего возраста». Иногда, когда отказывал карабин (осечка или неудачный выстрел), приходилось браться за нож, который он постоянно носил

на поясе и который до того был отточен, что лишь слегка прикоснувшись к нему, можно было порезаться.

Много интересных случаев рассказал он нам с Вовкой о повадках зверей, которых никогда зря не убивал – только для пищи и, в крайнем случае, для самообороны.

Удалившись от машин метров на триста по распадку и столько же вверх, я почти сразу наткнулся на заросли малины – и какой малины!.. Все кусты были просто усыпаны ягодой. Причмокивая от удовольствия, я принялся уплетать «халявный» дар природы, а когда первая волна жора схлынула, начал собирать выборочно, сожалея о том, что не захватил с собой ёмкости.

Вдруг правее себя услышал хруст веток, что-то похожее на чавканье и похрюкивание, но, не придав этому никакого значения, просто подумал: кто-то из наших обжирается, пойду глану...

Неторопливо продвигаясь вперёд, кидая в рот ягоды, я даже не смотрел по сторонам, но когда поднял голову, то от неожиданности оторопел. Впереди, в метрах семи, стоя на задних лапах и чуть наклонив на бок голову, на меня уставился здоровенный медведь с взлохмаченной шерстью.

Мне раньше никогда не приходилось сталкиваться с медведем, и я не знал, как вести себя при встрече, а все наставления дяди Андрея улетучились.

От неожиданности не успев даже испугаться, я стоял и смотрел на него, разинув рот ... А он – на меня. Так мы молча пялили глаза друг на друга с минуту, а затем, как по команде развернувшись, «дунули» в разные стороны.

Я летел, словно угорелый, и как не расшиб о встречные деревья лоб и не растерял мозги, один Бог знает. К машинам примчался с такой скоростью, что выполнил бы нормативы мастера спорта по бегу, если бы участвовал в соревновании. Бледный, в разорванной о кусты одежде, я предстал перед работягами, и на вопрос Юрки Полустарченко: «За тобой гнались что ли?» – я, ничего не отвечая, протягивал руку в сторону, откуда «стартовал», и повторял: «Там, там...».

– Всё понятно, Мишаня пуганул, – протянул Володя Вологодский, прошедший огни и воды и медные трубы. – Штаны то хоть сухие?.. Сейчас лето, корма всем хватает. Зря только гонку устраивал.

Я ничего не ответил. Несмотря на жару, меня колотило и пробивала дрожь.

Вскоре привезли нужную запчасть, и работа возобновилась.

Постепенно я пришёл в себя, и в конце рабочего дня, когда зной мало-помалу спал, уже

предвкушал, что сегодня «дома» после ужина пойдём с Вовкой на танцы в кинотеатр. А впереди воскресенье, выходной. Мечты, мечты...

По окончании работы ко мне подошёл бригадир и обрадовал:

– Костя, тебе сегодня придётся остаться дежурить. По графику должен выйти дядя Лёня, но он приболел, а за ним твоя очередь. Так что не обессудь. Тётя Клава, его жена, собрала тебе забутовку на сутки, так что жрачкой ты обеспечен. А завтра в эту пору тебя сменят.

Стан с оборудованием и техникой поочерёдно охраняли все работники участка в ночную смену, а в выходные по суткам. Естественно, дежурства оплачивались по двойному тарифу, как праздничные дни. Вот это мне «повезло»!

Бригадир ещё что-то говорил об осторожности, но я ничего не принимал в голову.

Рабочие уехали, оставив нас вдвоём с собакой Розкой: она принадлежала дяде Лёне – «Колыме», и жила здесь на стане.

Вообще-то фамилия у дяди Лёни была Суховой, а кличка прилепилась по воле судьбы. В августе сорок второго, будучи комбатом в матушке-пехоте, майор Суховой получил задание взять батальоном вражескую высоту. Дядя Лёня отказался вести солдат на верную смерть, мотивируя тем, что нейтральная полоса была заминирована и простреливалась двумя дзотами, а «у него не штрафбат, а батальон нормальных советских солдат, которых ждут дома»....

Каким-то чудом он избежал трибунала: вместо «вышки» ему вклеили пятнадцать лет и отправили на «чуждую планету Колыму, откуда нет возврата», как поётся в песне.

Освободился он в конце пятидесятых, вернулся к жене, которая ждала его все эти годы. На нормальную работу дома он, как все бывшие «враги народа», устроиться не мог, хотя повсюду не хватало рабочих рук. Пришлось приткнуться на нефтепровод, который проходил через его городок. И опять началась кочевая жизнь. На этот раз разделила её с ним и жена, не пожалевшая больше расставаться. Так и кочевали они по стране: он в должности кочегара – на большее не приходилось рассчитывать, да и не хотел он менять эту профессию, хотя предлагали ему место бригадира («Хватит, накомандовался...»).

Когда я устроился работать на участок нефтепровода первоначально на должность кочегара, то попал в напарники к дяде Лёне. В нашу обязанность входило загружать в огромные котлы семидесятикилограммовые мешки с битумом, класть в сварные топки под ними использованные автомобильные покрышки, поджигать их и затем следить, чтобы они полностью прогорали. За ночь битум рас-

плавлился до высокой температуры, а утром автогудронаторы развозили его на участок для изолировки труб.

В свободное время дядя Лёня рассказывал мне такие истории, что я слушал их с раскрытым ртом, а почти ребячья душа отвергала принимать услышанное – правду о том, что творилось в ГУЛАГе. Позднее я прочёл то же самое у Солженицына и Астафьева. Чуть позже, когда работал на Крайнем Севере, я встречался с теми, кто после сталинской отсидки остался доживать там, где отбывали срок, так как «материк» в них не нуждался, а из родных никто не ждал, у многих их и не было, а Север голодал по сезонным рабочим.

Заступив после рабочего дня на суточное дежурство с мыслью, что отосплюсь за это время, я проводил рабочих, накормил Розку и отправился в обход вверенного мне участка. Всё более-менее ценное находилось под замками, к тому же почти каждый водитель держал свою технику под своей «секреткой» – захочешь, да не угоишь. Да и кому, куда угонять – кругом тайга, где хозяин – мишка, а он не имел навыков вождения, ещё не открыли курсов для него... Всё на месте, можно спокойно отдохнуть. И с этими мыслями я отправился в вагон-теплушку.

Вечер не заставил себя ждать: в тайге темнеет быстрее, чем где-либо. А там и ночь подкралась. На всякий случай достал «тозовку»*, (личную, приобрёл в леспромхозе без разрешения милиции), загнал патрон в патронник. Зазвал Розку в вагончик и, закрыв дверь на засов, завалился на нары, предварительно набросав телогреек.

Розка развалилась на полу у двери, положила голову на лапы и задремала, время от времени вздрагивая и поскуливая.

Сколько времени я спал, не знаю, только проснулся от собачьего лая, переходящего в беспомощное повизгивание. Снаружи творилось чёрт знает что. Вначале слышался какой-то треск, уханье, ворчание, затем кто-то грузный зашёл на крыльцо вагончика – слышалось царапанье о жесть, которой был обшит вагончик.

Завизжав от ужаса, Розка полезла под нары и забила в угол.

Вдруг раздался глухой удар и залязгало железо, то же самое повторилось через некоторое время. Рёв не прекращался, только становился всё глуше – видимо, зверь удалялся. Наконец, наступила тишина.

* «тозовка» – разговорное название мелкокалиберной спортивно-охотничьей винтовки Тульского оружейного завода (ТОЗ).

Я стоял посреди вагончика и держал в руке ненужную мелкашку, как обыкновенную палку, не зная, что с ней делать. Так и стоял, не решаясь выглянуть за дверь, ожидая очередной выходки неизвестного «гостя».

За окном начало сереть: это наступающий рассвет расчищал себе дорогу в ночи, которая неохотно уступала ему место, прячась за деревья, сползая в распадки.

Когда совсем рассвело, я решился покинуть вагончик. Озираясь по сторонам, принялся взглядом искать следы пребывания того, кто ночью наводил на нас с Розкой ужас. Первое, что увидел, это два перевёрнутых котла, в которых плавил битум. Ещё один был развёрнут в сторону, а на лежащем рядом большом куске рубероида темнела лужица крови, и кровавый след на траве уводил в распадок.

Наконец, до меня дошло, что за чудовище творило здесь беспредел. А когда случайно взглянул на стоящую невдалеке сосну, то догадка подтвердилась. Кора на ней до трёх метров в высоту была изодрана, и в глаза бросались борозды от огромных когтей. Сомнений не было, что это работа медведя, и, судя по тому, как он «играл» с восьмисоткилограммовыми котлами на стальных полозьях, это был ещё тот медведище. Видимо, пока он хозяйничал, сорвавшийся с передних лап котёл изо всех сил ударил по его задней лапе, возможно, перебив её. Отсюда и ужасающий рёв, и отступление в чащобу для зализывания ран.

Еле дождавшись смены, я коротко «обрисовал» сменщику обстановку, совету не удаляться от стана.

Дома рассказал обо всём дяде Андрею. Выслушав меня, он произнёс:

– Да это не наши «ручные медвежата», что питаются только тайгой... Значит, он добрался и сюда, до наших краёв.

– Кто? – спросил я.

– Людоед!

– Какой людоед? – совсем опешил я.

– Медведь-людоед, из саянской тайги. Уже староват стал, не может охотиться на таёжную живность – не по зубам ему, потерявшему ловкость, вот и перешёл на домашнюю из хуторов. Местные охотники обложили – убить не убили, только подранили. Ушёл от них, отлежался в чащобах и принялся мстить, нападая на безоружных людей. Когда охотники взялись за него всерьёз – он зверь, а почуял возмездие и спешно покинул свою вотчину, перебрался в наши края.

– Откуда вы всё это узнали? – задал я вопрос.

– У нас, таёжных охотников, «свой телефон», – был ответ. – Как он тебя сразу упустил?

– Не знаю, – прошелестел я. – Розка гавкала и скулила.

– Ладно... Пока он здесь дел не натворил, заскочу в Охотсоюз, за разрешением на отстрел и «обзвоню» своих людишек (имел ввиду охотников).

С этими словами дядя Андрей вышел.

Эту ночь я отсыпался, а на следующее утро вместе с бригадой выехал на работу.

Вечером, когда работяги собрались в ожидании транспорта, перевозящего нас в посёлок, они увидели, как из тайги вышли четыре охотника, ведущие за уздечки двух лошадей, впряжённых в волокушу из связанных молодых ёлок. Лошади всхрапывали и шарахались из стороны в сторону. Охотники с трудом удерживали их. Когда они поравнялись с нами, мы увидели на волокуше ободранную тушу огромного медведя, а сбоку – снятую с него шкуру. Я обратил внимание на заднюю лапу зверя, которая была полностью перебита в ступне.

Процессия остановилась, и дядя Андрей – он был старшим охотником – вынул из планшета бумагу и подал Звонарёву:

– Анатолий Иванович, это разрешение на отстрел особо опасного зверя и акт о его ликвидации. Распишись вот здесь, – он указал на место росписи.

– Зачем? – спросил Звонарёв.

– Мы выполнили приказание Охотсоюза, и зверь был уничтожен в квадрате вашего участка, где Вы – единая власть и свидетель. Шкуру мы сдадим в Рабкоп, а это, – он кивнул на тушу, – прикопаем подальше. Грех употреблять в пищу мясо такого медведя.

С этими словами спрятал бумаги в планшет и кивнул головой своим. Процессия двинулась дальше.

Дядя Андрей появился домой на другой день под вечер, когда мы с Вовкой только что собрались в Дом культуры.

– Эх, молодёжь, молодёжь... – то ли с завистью, то ли с укором тихо молвил он. – Наломались за день, а всё равно на вечерки тянет.

А затем обратился ко мне:

– Я не хотел тебя, Костя, расстраивать и пугать вчера, но именно позавчера ты... родился заново. Эта зверюга хотела поужинать тобой – знала, что ты в вагончике и никуда не денешься, и распалая себя, круша всё подряд, нагоняя аппетит... Но не рассчитала. Так что прими на время языческую веру и поклонись этому самому котлу, что острым полозом перебил ему лапу.

И, не договорив, умолк.